

ЕЛЕНА БЕССЧЕТНОВА*

ВЛАДИМИР ВАРАВА В ПОИСКАХ СМЫСЛА ЖИЗНИ**

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ «СЕДЬМОЙ ДЕНЬ СИЗИФА. ЭССЕ О СМЫСЛЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ»

ВАРАВА В. В. СЕДЬМОЙ ДЕНЬ СИЗИФА. ЭССЕ О СМЫСЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
СУЩЕСТВОВАНИЯ. — М. : РОДИНА, 2020.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-349-357.

Бытие русской культуры произрастает из экзистенциальной энергии смертного, из постоянного поиска смысла жизни в перспективе вечности. Именно с данного тезиса начинаются размышления о смысле жизни в книге «Седьмой день Сизифа: эссе о смысле человеческого существования» (Варавы, 2020) известного российского философа и писателя В. В. Варавы. Автор книги предлагает возродить в XXI веке древнегреческий «Миф о Сизифе» — гомеровский миф о хитрейшем из смертных, который дважды обманул смерть, совершал злодеяния и был наказан за это. В библейской перспективе этот образ переносится на доктрину первородного греха, а Сизиф олицетворяет все человечество, или точнее «вселенскую человеческую участь». Варавы сравнивает историю Сизифа с библейскими притчами книги Екклесиаста и показывает, что в глубинной интуиции о бессмысленности человеческого существования они совпадают.

Безусловно, автор в том числе опирается и на французских экзистенциалистов XX века, в частности на Альберта Камю, который сделал

*Бессчетнова Елена Валерьевна, к. филос. н., доцент, факультет гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, НУЛ трансцендентальной философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), ebesschetnova@gmail.com, ORCID: 0000-0001-5340-1316.

**© Бессчетнова, Е. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: рецензия выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект 19-18-00100).

«Миф о Сизифе» своей визитной карточкой в философских рассуждениях об абсурдности человеческого существования. Его тексты — это апофеоз философии абсурда, то есть философии, которая в самой гуще катастрофических событий XX века бросила вызов отчаянию. Камю считал, что отчаяние — это путь к духовной слепоте, примиряющей человека с несправедливостью и ненавистью этого мира, со слезинкой ребенка, насилием и убийством. В своем творчестве французский мыслитель проходит путь от абсурда и нигилизма к бунту против мира на стороне универсальных человеческих ценностей. Варавя перенимает данную интуицию Камю и в своей книге переносит ее на опыт современного человека. В этом контексте автор показывает, что глубинное содержание экзистенциального переживания человеком своего бытия в мире не меняется, но меняется его форма. Человек XXI века не похож на человека середины XX века, столкнувшегося лицом к лицу с глобальной исторической катастрофой европейской культуры и ее смыслов. Человек XX века прошел сквозь великие потрясения, и бытие оголилось перед ним. Человек XXI века живет на обочине исторического бытия и смотрит на себя и мир сквозь призму идеи материального благополучия и экономической стабильности. В книге отчетливо прослеживается мысль о том, что современный человек — это не бунтующий человек Камю, а «Номо Economicus», или человек эпохи потребления.

В этом смысле «Миф о Сизифе» приобретает новую коннотацию и связывается не столько с понятием бессмысленности жизни, сколько с понятием скуки (именно скуки, а не тоски), которое представлено в качестве константы мироощущения современного человека. Хотя в книге понятие «скука» и понятие «тоска» выглядят идентичными, нам представляется, что в рамках поднятой автором проблемы пограничной ситуации современного общества их стоит различать. Тоска — это чувство более глубокое: оно близко к душевной тревоге, ощущению богооставленности и оторванности от истинного бытия. В русской мысли, начиная с Ф. М. Достоевского, под тоской понималась, прежде всего, тоска по трансцендентному. Современному человеку данные интуиции недоступны.

Варавя считает понятие скуки следствием кризиса современной западной культуры. Он пишет, что «Миф о Сизифе — наиболее яркий показатель столкновения, противостояния культуры и бытия» (Варавя, 2020: 35). Современная культура, прошедшая путь модернизации и секуляризации, с точки зрения автора, сталкивается не с обмирщением

религиозного, а с профанацией бытийного. Но ведь «профанация бытийного» и вырастает именно из-за отказа от трансцендентного уровня, в определенном смысле уровня свободы. Об этом очень точно писал Л. И. Шестов. Он, пожалуй, единственный из русских философов был тем, кто отчаянно боролся за свободу против «профанации бытийного».

Стоит отметить, что в книге вопрос о свободе как о фундаментальной составляющей бытия, которая существует вне Бога и вне культуры и способна возвысить человека над абсурдностью его существования, не поднимается. Напротив, все проявления свободы, такие как творчество и вера, оказываются ограниченными рамками рациональной культуры. Человек не способен на бунт свободы, который мог бы кардинально изменить характер его существования, он всегда остается только в состоянии поиска. Варавва замечает (Варавва, 2020: 36):

...наиболее глубокие натуры всегда испытывают неудовлетворенность культурой, понимают ее фальшь и ложь и стремятся найти что-то иное, подлинное и настоящее. Но пройдя искус изощренного соблазна, вынуждены возвращаться в стартовую точку, похоронив все свои надежды. Все великие люди обречены на муку Сизифова труда, по крайней мере, на ее понимание.

В книге рассуждения о фундаментальной интуиции творческого и мыслящего человека — интуиции бессмысленности существования — органично встроены в культурфилософский анализ европейской литературы, философии и кинематографа. Наследие русских мыслителей, писателей и поэтов становится органичной частью общеевропейской культуры, иллюстрирующей универсальный характер проблемы смысла жизни. Такие авторы, как Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, В. В. Розанов, С. Л. Франк и др., наряду с Ф. Ницше и А. Шопенгауэром, Ф. Кафкой, становятся пророками культурфилософских поисков смысла в XX и XXI вв.

В своей реконструкции автор показывает, как интуиция бессмысленности становится основой творческого порыва и поэтического прозрения. Неслучайно герой первой главы — именно А. С. Пушкин. Его стихотворная строчка «Дар напрасный, дар случайный» рассматривается как одна из главных философем его лирики, единящая творчество русского поэта с пророческими интуициями о жизни от Екклесиаста и Паскаля до Платонова и Сиорана. С точки зрения Вараввы, в XX веке из европейских авторов гениально изобразил мир в истинном свете — свете угнетающей бессмысленности — Кафка. Автор отмечает, что он обладал

«своего рода врожденной оптикой абсурда» (Варава, 2020: 61). Мир для него бессмыслен, и это его сущностная характеристика (там же):

Реальность бессмысленна, а бессмысленность реальна — вот чему учит Кафка, расправившись с гегелевским панлогизмом гораздо сильнее, чем Кьеркегор.

Из русских писателей в XX веке, как считает автор, Платонов оказался ближе всего по интуиции к Кафке. Варава предлагает посмотреть на произведения Платонова именно с экзистенциального ракурса. Он отмечает, что распространенные трактовки его образов, мотивов и сюжетов как антиутопистских не раскрывают творчество писателя в полной мере. «Чевенгур» и «Котлован» показывают не только тупик и бессмысленность коммунизма и вместе с ним других идеологий, но и иллюзорность любой попытки рационального ответа на вопрос о смысле жизни (там же: 81):

Коммунизм лишь эпизод в череде бессмысленных коловращений истории. [...] «Нет ничего нового под солнцем» и котлован абсурда и бессмыслицы сжирает все человеческие дела. И ничего не остается людям, как только продолжать скорбное дело Сизифова труда, продолжая рыть котлован бессмысленно и безнадежно, видя хотя бы в этой бессмыслице какую-то искорку спасения.

Платоновский «Котлован», с точки зрения Варава, — это прямая аллюзия на образ Сизифа. Он никогда не будет вырыт, так же как герой Кафки Йозеф К. никогда не попадет в Замок. Безусловно, это метафора бессмысленности человеческого существования. Но при этом автор книги делает важное замечание, которое совершенно меняет ракурс возможного разговора о значении наследия Платонова.

Тема бессмысленности человеческого существования ярко раскрыта на примере фильма Бела Тарра «Туринская лошадь» (2011 г.). Пролог фильма — это история о Фридрихе Ницше: философ стал свидетелем избиения извозчиком лошади в Турине, после чего он замолчал навсегда. В романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского есть аналогичный сюжет: Раскольников видит сон об издевательствах над старой лошадью перед совершением убийства. Герой Достоевского просит Бога указать ему его путь, но, не получив ответа, совершает задуманное. В фильме «Туринская лошадь» этот сюжет становится метафорой не просто бессмысленности человеческого существования, но, точно так же как и у Платонова, бессмысленности человеческих попыток и проектов наполнить существование смыслом. Варава отмечает, что

«Туринская лошадь» — катастрофа смысла вселенского масштаба. Катастрофа, разразившаяся в гуще истории и в гуще жизни. История еще не закончена, но катастрофа уже наступила; задним числом вся предшествующая жизнь была опознана как катастрофа, как глобальная неудача смысла, как фундаментальный провал. Это художественная метафора, как часто говорят, апокалипсиса. Но не апокалипсиса мира, а его смысла (Варава, 2020: 90).

Одновременно с темой бессмысленности существования поднимается экзистенциальная проблема смерти — еще одна универсальная и вневременная проблема бытия, которая в разных литературных и философских формах входит в общечеловеческую культуру. Варава обращается к текстам Симоны де Бовуар, Л. П. Карсавина, Вл. С. Соловьёва и других авторов, показывая два пути, формирующие два способа отношения к смерти: путь светского мыслителя и религиозный путь. Оба они, с точки зрения автора, не решают глубокую экзистенциальную проблему бессмысленности человеческого существования. При этом религиозной путь рассматривается не с позиций живого опыта веры, а с позиций философа экзистенциалиста, взывающего к Богу, но, не получив ответа, отказывающегося от Него. Варава рисует картину мира, в которой остро ощущается его богооставленность (там же: 56):

Самый грустный драматизм человеческой ситуации, что Творец всегда не доступен. Наверное, нужно быть Кьеркегором или Ницше, чтобы понять глубину этого драматизма. Но религия, убедив человека в реальности таких отношений, в действительности лишь подтвердила пустоту и бессмысленность на личной жизни. В этом первая и последняя религиозная честность.

Выход Варава предлагает искать в философском осмыслении понятия смерти через осознание странного свойства, или парадокса, смерти — одновременно придавать и отбирать смысл жизни.

Таким образом, автор рассуждает во внеконфессиональном и внекультурном ключе: он отталкивается от общей экзистенциальной проблематики бытия человека и его столкновения с миром. Подход Варава отличается от подхода русских религиозных философов XX века, которые выстраивали поиск смысла жизни вокруг христианской идеи и своего религиозного опыта веры. Варава по своему пафосу ближе к европейским философам XX века: помимо французских экзистенциалистов очевидно влияние на автора Мартина Хайдеггера.

В конце XIX — начале XX века — с появления романов и религиозно-философских работ Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого — проблематика

цели человеческой жизни становится ключевой для русского интеллектуального пространства. В 1896 г. А. И. Введенский опубликовал работу «Условия допустимости веры в смысл жизни», в 1910 г. Иванов-Разумник выпустил брошюру «О смысле жизни», М. М. Тареев издал текст «Цель и Смысл жизни», а Г. В. Флоровский — статью «Смысл истории и смысл жизни». Все они написаны в свете христианского мировоззрения и представляют ответ на вопрос о смысле жизни, который решается через практическую сторону христианства — через опыт встречи человека и Бога. После Октябрьской революции вопрос о смысле жизни для русских философов приобрел новый ракурс в контексте проблем смысла истории, смысла Русской идеи, смысла бытия России. В этом ключе написаны работы Е. Н. Трубецкого, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова и других. Варава пишет об этом (Варава, 2020: 109):

Русскую философию отличает упорная, но благородная попытка найти абсолютный высший смысл и отдельного, и всеобщего человеческого существования. [...] Поиск внеположенной инстанции, по сути дела света, который мог бы осветить этот гнетущий мрак истории, — вот предельная задача русской философии, определившая навсегда ее непрaktический (религиозный, идеалистический и т. д.) характер.

Однако Варава называет опыт русской мысли колоссальным, но неудачным, во-первых, потому что данный подход предполагает особый взгляд на человека как духовное существо, а во-вторых, потому что он «показывает ту очевидно простую истину, согласно которой смысла нет ни в жизни, ни в истории» (там же: 110). Но именно в этом и состоит ключевая интрига всей русской религиозной мысли, страстно искавшей смысл истории, смысл человеческого существования в мире, смысл бытия России.

С одной стороны, из данных сюжетов проистекает утопизм русской мысли, но, с другой стороны, эсхатологические интуиции русских философов, их острое ощущение бессмысленности через переживание катастрофических событий XX века приводит их к осознанию, что смысла в процессе земной жизни нет, он — в ее конце как цели и в раскрывшейся тайне Божественного Откровения.

Безусловно, с Варавой нельзя не согласиться, что как интеллектуальный проект русская религиозная мысль не может быть успешной в современной мультикультурной парадигме. Но все-таки не стоит забывать, что русские философы намеренно не ограничивали себя рамками общемировой культуры, писали о ее глубочайшем кризисе или — в случае

С. Л. Франка — о крушении культуры. Русские мыслители рассуждали о смысле жизни, который был найден через индивидуальный опыт выживания в период исторических катастроф и на метафизическом уровне оказался единым для многих их современников.

Тем не менее позиция автора убедительно обоснована через анализ характера современного постсекулярного общества и причин текущего религиозного возрождения. Проекты русских философов, несмотря на ренессанс интереса к ним в исследовательской среде, действительно не могут быть глобально восприняты, так как они апеллируют к религиозно-метафизическому опыту меньшинства. Кроме того, поиски смысла жизни русскими религиозными философами не совсем соответствуют характеру современной постсекулярной эпохи. Автор пишет (Варава, 2020: 159):

Того религиозного, которое было долгое время не только «столпом и утверждением Истины», но и реальным смыслом, обладавшим творческой и духовной энергией и поэтому оказывавшим определяющее влияние на жизнь и культуру, так вот такого религиозного уже нет.

Первым, как справедливо отмечает Варава, кто в XIX веке озвучил данную мысль, был Фридрих Ницше, но все-таки громче всего эта интуиция была проговорена в русской литературе и философии. Русские мыслители критиковали секулярную культуру, видя в ней не только черты разложения христианского мирозерцания, но и антигуманистическую повестку, а также зарождение глубочайшего антропологического кризиса. Варава, с одной стороны, разделяет мысль большинства русских философов о трагедии человеческого существования, в том числе связанной с потерей духовной идентичности. Но, с другой стороны, он пытается выйти за рамки религиозно-метафизического подхода к человеку и отмечает, что трагедия человеческого существования — это фундаментальная проблема, которая не зависит от типа мировоззренческой парадигмы. Человек новой эпохи точно так же сталкивается с бессмысленностью мира и своего существования. Варава пишет:

Идея о том, что смертный вне религии и метафизики может быть счастливым, — очередная хитрость разума, чтобы оправдать свою бессмысленность. Бог мертв, а человек еще жив, и ему еще предстоит пострадать и потрудиться, чтобы испить чашу Сизифа до дна (там же: 162).

Однако русские философы, памятуя заповедь Достоевского о том, что если Бога нет, то все дозволено, в возможность оставаться в нравственном смысле человеком без Бога не верили.

Конечно, автор книги очень тонко уловил общее настроение современного европейского общества, прошедшего через век секуляризации, борьбы с тоталитаризмом и переоценки ценностей. Он полагает, что современный человек находится в парадоксальной ситуации. Люди второй половины XX века с подозрением относились к идеям, которые дают им готовый ответ на вопрос о смысле жизни, но при этом они желали найти ответ на него, создавая свои собственные миры различных субкультур и социально-политических движений. Современный человек не обладает такой же творческой потенцией: он чаще выбирает великое равнодушие ко всему, как пишет Варавя. Скука — отмечает автор — довольно честное и нелукавое состояние (Варавя, 2020: 140):

В нем трудно обмануть самого себя или кого-то, ибо в скуке проявляет себя великое равнодушие ко всему, к себе, другим, миру, вселенной. Это чистая незаинтересованность, бескорыстие и неутилитарность.

Таким образом, с точки зрения Варавы, понятия скуки и равнодушия приобретают особый метафизический статус (там же):

Скука возвращает нам подлинное человеческое величие, которое мы бесконечно утрачиваем, оскорбляя свое достоинство бесчисленными делами, которые отвлекают нас от главного. В конце концов, именно скука дает нам ни с чем не сравнимую возможность попасть в «ситуацию Сизифа» и почувствовать, что такое человеческая участь.

Хотелось бы уточнить, что такими бытийственными характеристиками обладает не скука, а тоска или даже отчаяние: именно оно позволяет возвыситься над царством необходимости и оказаться по ту сторону добра и зла. В этом смысле Шестов, приведивший в пример судьбу Иова, был точнее в своей критике и христианства, и европейской философии, так как ставку он сделал не на рациональное осмысление процессов человеческой жизни, а на провозглашение фундаментальности идеи свободы и веры.

Интересно, что, подробно разобрав формы столкновения с бессмысленностью и их интерпретации в наследии европейских философов, писателей и режиссеров, нарисовав неизбежность участи Сизифа для каждого человека, Варавя подходит к рассмотрению феноменов, которые поддерживают человека в течение его жизненного пути. Отдельные главы посвящены понятиям «деятельность», «творчество», «тайна беспечности», «ностальгия», «надежда», «чудо», но в них не затрагивается тема свободы, хотя она логично вытекает из выводов, которые делает

автор. В определенном смысле именно глава о чуде подводит нас к идее свободы. Варава отмечает, что чудо и смысл — это абсолютные антиподы: чудо предполагает отказ от рациональности, отказ от постоянного поиска смысла, именно в нем и стоит искать выход из вечной ловушки разума. Автор пишет (Варава, 2020: 282):

Мир раскрывается как абсолютное чудо, когда обрываются все нити причинности, когда он повисает в абсолютной пустоте неизбежного, но совершенно ненужного существования. Пока мир объясним хотя бы на один микрон, он не чудо, а чудовищная закономерность, которая всегда будет требовать себе хоть какого-то чуда для того, чтобы человек не задохнулся в ужасе угнетающей естественности. Сама жизнь есть чудо.

От себя добавим, что жизнь есть чудо, поскольку в ней остается место вере и человеческой свободе. В этом смысле сама книга «Седьмой день Сизифа. Эссе о смысле человеческого существования» также может быть названа настоящим чудом — чудом творчества и свободы человеческой мысли, в котором приоткрываются неведомые горизонты человеческого существования, его великая тайна и одновременно трагедия.

Besschetnova, E. V. 2022. "Vladimir Varava v poiskakh smysla zhizni [Vladimir Varava in Search of Meaning of Life]: razmyshleniya o knige 'Sed'moy den' Sizifa. Esse o smysle chelovecheskogo sushchestvovaniya' [Reflections on 'Seventh Day of Sisyphus. Essay on the Meaning of Human Existence']" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (3), 349–357.

ELENA BESSCHETNOVA

PHD IN PHILOSOPHY, ASSOCIATE PROFESSOR

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0001-5340-1316

VLADIMIR VARAVA IN SEARCH OF MEANING OF LIFE

REFLECTIONS ON "SEVENTH DAY OF SISYPHUS. ESSAY ON THE MEANING OF HUMAN EXISTENCE"

VARAVA, V. V. 2020. *SED'MOY DEN' SIZIFA. ESSE O SMYSLE CHELOVECHESKOGO SUSHCHESTVOVANIYA [SEVEN DAY OF SISYPHUS. ESSAY ON THE MEANING OF HUMAN EXISTENCE]* [IN RUSSIAN]. MOSKVA [MOSCOW]: RODINA

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-349-357.